

МЕТАФОРА КАК ТЕРМИН В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Фомина О. А.

ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный строительный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия (344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 162), e-mail: lelik8181@list.ru.

Статья посвящена развитию и становлению экологической метафоры, изучению процесса метафоризации лингвоэкологического дискурса, роли метафоры в формировании понятийно-терминологического пространства лингвистической экологии, а также особой функции метафоры в познании научных и человеческих реалий. Особое внимание уделяется важности изучения метафоры в различных аспектах, отношению к метафоре в научной (доказательной) речи, прагматической составляющей метафор, особенностям функционирования метафоры-катахрезы. Содержащаяся в метафоре возможность постижения реальности, основанная на наиболее глубоких отношениях человека и бытия, позволяет ей играть ведущую роль в познании, где она выступает как альтернативная логика производства знаний и как когнитивный ресурс, который, с одной стороны, является конституирующей основой как отдельных научных теорий, так и науки в целом; а с другой, – задает направление инноваций в человеческом познании себя и окружающего мира.

Ключевые слова: метафора, терминологическая метафора, терминологические номинации, лингвоэкологический дискурс, когнитивная лингвистика.

THE METAPHOR AS THE LINGUOECOLOGICAL SPACE TERM

Fomina O. A.

The Rostov State Civil Engineering University, Rostov-on-Don, Russia (344022, street Sotsialisticheskaya, 162), e-mail: lelik8181@list.ru.

The article is dedicated to the development and formation of the ecological metaphor, studying of the process of metaphorisation of the linguoecological discourse, the metaphor's part in formation of the conceptual-terminological space of the linguistic ecology. It is also stated that the metaphor has a special function in the cognition of science and people's actual. The Special attention is paid to the importance of the study of metaphors in various aspects, relation to the metaphor in science (evidence-based) speech, pragmatic component of metaphors, peculiarities of functioning of metaphors-katahrezzi. Contained in a metaphor the possibility of comprehension of the reality, based on the most profound relationship of man and life, allows it to play a leading role in the knowledge where it acts as an alternative logic of knowledge production and as a cognitive resource, which, on the one hand, is constitutive of the foundation as a separate scientific theories, and science in general; and on the other, - specifies the direction of innovation in the human knowledge of themselves and the surrounding world.

Key words: a metaphor, terminological metaphor, terminological nomination, linguoecological discourse, cognitive linguistics.

Введение

Терминологическое пространство лингвистической экологии характеризуется наличием значительного числа метафор, функционирующих в пределах научных лингвистических текстов. В связи с этим представляется актуальным исследование подобных единиц в указанных контекстах.

Изучение метафоры в рамках когнитивной лингвистики, психолингвистики, культурологии показало, что в науке вообще и в языкознании, в частности, метафора нередко играет ключевую роль. Содержание когнитивных теорий метафоры отражает потребность общенаучного знания в решении проблем вербализации его новизны, а также проблем взаимодействия познавательного процесса, эмпирического опыта, профессионального

достояния коллектива и его языковой компетенции. Метафора рассматривается как способ познания окружающей действительности, как способ создания картины мира, как ключевой элемент и восприятия, и мышления, и языковой категоризации.

Заметим, что отношение к метафоре в научной (доказательной) речи, безусловно, неоднозначно. Так, например, в исследовании, специально посвященном параметрам современного научно-языковедческого текста [5], отмечается, что одним из наиболее ярких стилистических средств выражения нового знания в современном научно-лингвистическом тексте выступает метафора, эффект которой достигается «отталкиванием» от традиций научного изложения. В то же время указанный автор считает, что в «рамках языковедческого текста метафора не несет концептуального значения, но способствует расширению коннотационного текстового поля» [5]. Впрочем, далее утверждается, что «производство метафор – это общий принцип производства новых идей в современной научно-лингвистической практике» [5].

Метафора в наши дни оказалась гораздо более функционально нагруженной, чем ранее. Именно поэтому изучение метафоры в современном дискурсе проводится не только в рамках лингвистики, но и психологии, философии, когнитивной науки, теории искусственного интеллекта, лингвокультурологии, этнопсихолингвистики и в других смежных науках. Огромный интерес к метафоре в последние десятилетия подтверждается множеством работ по проблемам метафоризации [см.: Арутюнова 1990; Баранов, Добровольский 1997; Баранов, Караулов 1991, 1994; Демьянков 1994; Кубрякова 1999; Рахилина 2000; Телия 1988; Чудинов 2001; Блэк 1990 и др.].

Одним из первых исследователей, прямо связавшим метафору с научным познанием, был американский логик и философ М. Блэк, исследовавший познавательные функции метафоры. Он анализировал ее в контексте мыслительной деятельности человека, подчеркивая невозможность сведения содержания метафоры к имеющимся в языке буквальным средствам номинации. М. Блэк рассматривал метафору как динамичное явление, которое, формируясь в движении мысли, развивает концептуальный аппарат языка. Утверждая, что «возможно, каждая наука должна начинать с метафоры и кончать алгеброй и, возможно, без метафоры никогда не могло быть никакой алгебры» [3], он отмечает способность метафоры выступать в роли альтернативной логики производства знания и задавать вектор инноваций в нашем познании себя и окружающего мира. Важность прообразной, моделирующей роли метафоры, дающей толчок развитию мысли и наводящей исследователя на новые аналогии, отмечалась многими исследователями (напр., Гусев 1984; Лапиня 1988 и др.). При этом, по наблюдению Е. О. Опариной, отмечается особая ценность метафоры на начальных этапах исследования объекта / явления, когда гипотеза только

формируется, и возникает особая необходимость как в предположениях о неких свойствах исследуемого объекта, которые задаются метафорами, так и в самом языке, при помощи которого данный объект может быть описан [6].

Р. Бойд, например, предлагает оценивать роль каждой метафоры в научном познании по тому, к каким свойствам изучаемого объекта или вида она дает доступ, при этом метафора должна, постепенно устраняя неоднозначность, приближать исследователя ко все более полному знанию истинной природы изучаемого явления. С. С. Гусев, отмечая двойственность функционирования метафоры в сфере науки, показывает, что, с одной стороны, метафора важна как когнитивный инструмент при разработке гипотез, а с другой, – при ее буквальном прочтении она является логической ошибкой. Он также рассматривает проблемы, связанные с формированием научных гипотез, использующих метафору как прием введения нового знания: «входя в структуру научного знания, метафора играет роль каналов, через которые культура данного общества влияет на ход научного познания» [3].

Э. А. Лапиня обращает внимание на то, что термин-метафора, выполнив свою когнитивную роль на этапе становления научной гипотезы и формирования научного понятия (его концептуализации), в дальнейшем теряет двуплановость и, как результат, статус метафоры. Если такой термин закрепился в своей подсистеме, то уже в роли самостоятельной номинативной единицы.

Когнитивная функция метафор, в понимании Т. Куна, состоит в том, что они наводят исследователя на поиск новых связей в периоды смены научных парадигм, всегда сопровождающихся сменой ключевых метафор. Ключевыми метафорами принято называть те, которые «прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту, обеспечивая его концептуализацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий» [2].

Если обратиться к изучению языка лингвистической науки, то бесспорным оказывается факт наличия в нем значительной доли метафорических по своему содержанию и происхождению терминов и высказываний. Пример этому – многочисленные терминологические номинации метафорического характера, функционирующие в сфере лингвоэкологии. Для терминов характерно содержание большого количества когнитивной информации, что позволяет метафоре передавать необходимые данные более сжато, четко и адекватно по отношению к их содержанию [4]. Примечательно, что и терминоведы, которые, как правило, пытаются наложить определенные ограничения на употребление и функционирование метафор в научной сфере, очень часто сами прибегают к метафорическому описанию объектов исследования. Так, например, известное определение А. А. Реформатского: «терминология – служанка двух господ»; «языковой субстрат термина» в представлении В. М. Лейчика и т.д., и т.п.

Важным основополагающим фактором является и то, что непроходимой границы между терминами и нетерминами нет. Постоянно происходит своеобразный переход общеупотребительного значения к терминологическому на основе метафорического и метонимического переосмысления первого. Войдя в терминосистемы, данные лексемы получают специальную терминологическую функцию в языке науки и обогащают свое номинативное значение элементами научной информации.

При анализе процесса метафоризации лингвоэкологических терминов важное значение имеет теория метафоры Н. Д. Арутюновой, согласно которой в образной субстантивной метафоре синтезированы термин сравнения (вспомогательный субъект), его признак (или признаки), а также свойство основного субъекта – искомое, то, ради чего говорящий прибегает к метафоре. В рождении метафоры участвуют эмоции, экстралингвистические знания, случайные впечатления носителей языка. Метафора, по мнению Н. Д. Арутюновой, прежде всего, способ уловить индивидуальность конкретного предмета [1].

Исследование понятийно-терминологического пространства лингвистической экологии показало, что в его составе огромное количество терминологических метафор: *языковая аллергия, языковая агрессия, языковой террор, языковая эрозия, языковое манипулирование, языковое воздействие, языковое насилие, языковое // речевое хулиганство, речевое убийство, речевое воровство, речевое мошенничество, синдром заимствований, языковой нигилизм, экспансия экзотизмов, языковая // речевая раскованность, взрыв сквернословия, языковое зомбирование, языковое строительство, языковая самооборона* и др. Совершенно очевидно, что данные метафоры нагружены прагматически оценочной коннотацией, в которой преобладает пейоратив. На наш взгляд, именно ярко выраженная прагматическая составляющая перечисленных номинаций делает дискуссионным вопрос об отнесении данных языковых единиц к разряду терминологических. Однако в процессе формирования терминологической системы лингвистической экологии такие образные лингвистические метафоры выполняют, по нашему мнению, определенные стратегические функции: «Термины-метафоры активно стимулируют научную мысль, поскольку различные компоненты, на основе которых осуществляется перенос, имплицитно указывают на другие признаки и разнообразные следствия» [7].

Более того, в описательном контексте лингвоэкологических проблем других случаев и способов характеристики изучаемых объектов нами не зафиксировано. Полагаем, что на начальном этапе развития терминологической системы, использованные метафоры можно рассматривать как своеобразные авторские рефлексии, у которых прагматические приращения появляются именно под влиянием контекста. Считаем, что вышеперечисленные

примеры терминологических метафор в составе понятийно-терминологического пространства лингвистической экологии могут быть квалифицированы как метафоры-катахрезы, т.е. вынужденные метафоры – единственное средство языкового выражения лингвистического понятия.

Заметим, что сам термин *катахреза* в филологии вообще и в системе элокутивных терминов не просто многозначен, но еще и связан с разнообразными противоречивыми прагматическими созначениями: это и «метафора, не ощущаемая как стилистический прием», и «оксюморонное сочетание», и «метафорическое олицетворение», и «использование слова не в соответствии с правильным (этимологическим) его значением», и даже «метафора дурного вкуса» (обзор точек зрения и библиографию вопроса см. работы А. П. Сквородникова). На наш взгляд, метафора-катахреза в когнитивном отношении более ценна, чем обычная метафора.

Особенно интересной нам представляется мысль о развитии в лингвистике так называемой *экологической метафоры*, на примере которой видно, «сколько степеней свободы, возможностей развертывания дает она лингвисту» [9]. В связи с этой «свежей метафорой» наиболее перспективным выглядит вопрос о взаимодействии лингвистических и экстралингвистических факторов.

Таким образом, логично заключить, что содержащаяся в метафоре возможность постижения реальности, основанная на наиболее глубоких отношениях человека и бытия, позволяет ей играть ведущую роль в познании, где она выступает как альтернативная логика производства знаний и как когнитивный ресурс, который, с одной стороны, является конституирующей основой как отдельных научных теорий, так и науки в целом; а с другой, – задает направление инноваций в человеческом познании себя и окружающего мира. Такой подход к метафоре лежит в основе гносеологического направления исследования этого явления [8], в рамках которого изучаются познавательные функции метафоры, что оказалось чрезвычайно притягательным не только для лингвистов, но и для философов. В рамках данной теории метафора анализируется как способ организации познавательной деятельности вообще и научного познания, в частности, как средство конструирования и расширения языка, как способ непосредственной связи естественного языка и языка науки. Таким образом, изучение метафоры может оказаться ключом к пониманию многих проблем современной науки, в частности, проблем репрезентации нового знания.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 348–369.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5–51.
3. Гусев С. С. Наука и метафора. – Л.: Наука, 1984. – 152 с.
4. Локтионова Н. М. Семантические реалии онтологии языкового знака: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2002. – 43 с.
5. Нехлюдова Л. А. Тенденции развития современного языковедческого текста: лингвокультурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 26 с.
6. Опарина Е. О. Исследование метафоры в последней трети XX в. // Лингвистические исследования в конце XX века: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 186–204.
7. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. – М., 1998. – Вып. 36. – С. 274–323.
8. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – С. 87.
9. Хазагерова И. Г. Научная метафора: проблема оценки когнитивной перспективности (на материале лингвистической терминологии) // Известия института управления и инноваций авиационной промышленности. – 2004. – № 1. – С.84–89.

Рецензенты:

Николаев Сергей Георгиевич, профессор доктор филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии факультета филологии и журналистики ФГОУ ВПО ЮФУ, г. Ростов-на-Дону.

Кудряшов Игорь Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории языка ФГОУ ВПО ЮФУ, г. Ростов-на-Дону.